

сдались без сопротивления⁸⁶. Им сразу же даровали одежду, пищу и поля, и повели заниматься земледелием. [Известно, что] справедливые и добросовестные чиновники отдают свои силы службе в провинции, а потому необходимо выискивать людей им подобных. Если люди сдаются добровольно, их следует наделять полями и жаловать утварью. Тогда все пойдет по-прежнему, и страна будет богатеть, а законы станут безупречными. Только такой план единственно верный.

Дадзайфу – это территория, через которую [в нашу страну] прибывают иноземные гости. Военно-сторожевая управа является местом, обеспечивающим безопасность сообщения с дальними варварами. Если [государь] своей священной грозностью не заставит трепетать [жителей] заморских стран, то в отдаленных краях начнут распространяться слухи⁸⁷.

Предположим, что в нашей стране царит эпоха процветания, тем не менее, не следует пренебрегать мерами предосторожности при обороне [наших рубежей] на непредвиденный случай! В древности существовало строгое предписание – даже в мирные времена не должно забывать об опасности.

Три вышеизложенных пункта покоятся на исторических свидетельствах. Полагаясь на свое малозначительное мнение, провел расследование и доложил об этом.

Хоэн, начальный год, 7-й лунный месяц, 27-й день (1135 г.).

Старший помощник главы ведомства церемоний Фудзивара-но Асоми Ацумицу, четвертый старший ранг нижней ступени.

⁸⁶ Досл. «со связанными руками».

⁸⁷ Японские исторические источники древности и раннего средневековья позволяют нам предположить, что сношения с заморскими странами, как и общение с иноземцами, являлись краеугольными вопросами политики государства. Иностранцы были источником не только просвещения, будучи носителями культуры, но и предметом беспокойства государственных мужей. Торговцы, имея предпочтение к экзотическим и вычурным предметам, привезенным заморскими купцами, нарушали законы и способствовали дестабилизации экономической обстановки. «Состоятельные семейства в сердце своем имеют тяготение к торговле заморскими товарами. Иностранцы обманым путем повышают цены. Все более и более цены на товары становятся непредсказуемыми. Причина тому – отсутствие надежного контроля на заставах и пунктах прибытия иностранных торговцев... Те, кто ведут торговлю с иноземцами до начала официальных процедур, должны рассматриваться как воры. Наказание – каторжные работы на протяжении трех лет... Следует запретить и частную торговлю. Если же кто-то продолжит нарушать закон, то товары его подлежат конфискации, а сам он будет подвергнут строгому наказанию», – сказано в распоряжении Большого государственного совета. Руйдзю сандай кяку. Энги, 3–8–1, 903 г. Не меньшую опасность таила и деятельность корейских пиратов (особенно после 841 г., когда был убит харизматический лидер Чан Бого, приложивший немало усилий для стабилизации обстановки на морских просторах Восточноазиатского региона), а также пребывание иностранцев на территории Японии, которые проживали в разных провинциях на многочисленных почтовых станциях и постоялых дворах, где, «прикрываясь делами по торговой части, выведывали государственные секреты». Все это угрожало сохранению «престижа государства». Руйдзю сандай кяку. Дзёва, 9–8–15, 842 г.; Сэйдзи ёряку. Дзёва, 8–2–23, 841 г.

«Юки-си синхатто» – княжеские законы и наставления для вассалов в эпоху Сэнгоку

С. А. Полхов

Законодательное уложение «Юки-си хатто» (1556 г.) было создано Юки Масакацу, одним из «сэнгоку даймё» района Канто. Этот памятник отражает желание князя установить дееспособную вассально-военную организацию в своих владениях. Однако эти претензии оказались слабо обоснованными, поскольку вассалы клана Юки все равно сохранили значительную автономию и даже вступали в дипломатические сношения с врагами этого клана.

Ключевые слова: Сэнгоку даймё, Юкки, вассалы, законы, власть.

Созданные князьями (даймё) эпохи «воюющих провинций» (*Сэнгоку дзидай*, 1466–1590 гг.) уложения законов являются важнейшим источником для изучения права, политических и социальных отношений завершающего периода японского «средневековья». К ним относят и свод «Юки-си синхатто»¹ («Новые законы клана Юки», 結城氏新法度, далее в тексте «ЮС»), принятый в 1556 г. одним из князей восточной Японии Юки Масакацу. Изначальное название этого правового памятника неизвестно. В вводной части (преамбуле) к основному тексту он назван *синхатто* (新法度) – «новые законы». В японской литературе можно встретить и другие его наименования: «Юки-кэ хатто» («законы дома Юки»), «Юки Масакацу хатто» («Законы Юки Масакацу»), «Юки-кэ синхатто» («Новые законы дома Юки»).

Единственный известный нам список «Юки-си синхатто», не являвшийся, впрочем, подлинником, находился в собрании документов Мацудайра Мотонори. В 1890 г. свиток с законами Юки был сфотографирован, но во время Второй мировой войны сгорел в пламени пожаров, вызванных американскими бомбардировками. Его фотокопия хранится в Историкографическом институте Токийского университета².

Свод состоит из преамбулы, основной части из 104 статей, подписанной даймё, после которой следуют две позднее добавленные статьи

¹ Текст свода опубликован в Тюсэй хосэй сирёсю. Букэ кахо (Собрание материалов по средневековому законодательству. Уложения военных домов). Т. 3. Под ред. Сато Синъити, Икэути Ёсисукэ, Момосэ Кэсао. Токио, 2001. С. 227–259. В данной статье законы Юки цитируются в переводе автора, ссылки на законы даются согласно нумерации в «Тюсэй хосэй сирёсю». Текст «ЮС» обстоятельно прокомментирован Сато Синъити. См. Сато Синъити. Юки-си синхатто // Тюсэй сэйдзи сякай сисо (Социально-политическая идеология средневековья). Т.1. Издание подготовили Исии Сусуму, Исимода Сё, Касамацу Хиреси, Кацумата Сидзую, Сато Синъити. Токио. 2001. С. 245–278.

² Тюсэй хосэй сирёсю... С. 452–453.

(цуйка) и присяга вассалов Юки, клянушихся следовать «ЮС», скрепленная их личными монограммами. Еще одна дополнительная статья была принята Юки Харутомо, сыном Масакацу. Уложение написано смешанным стилем – иероглифами и азбукой хирагана (т. н. стиль *канамадзирибун*). На западные языки это уложение не переведено, если не считать неполного перевода 13 статей из англоязычной хрестоматии по истории Японии, который, впрочем, не сопровождается достаточным текстологическим комментарием³.

На современный японский язык «ЮС» переведен, пожалуй, лучшим его знатоком Итимура Такао⁴, однако плохая сохранность текста⁵, и, как следствие, наличие многочисленных лакун, а также сложный язык, на котором написан свод, позволяют оспорить некоторые интерпретации видного японского ученого. По признанию маститых японских историков, издавших классическое собрание правовых памятников военных домов Японии периода «средневековья» (*тосэй*), «ЮС» – наиболее трудный для понимания кодекс из всех законодательных источников, опубликованных ими в соответствующем томе серии права *букэ* (военных домов)⁶.

Специальных исследований «ЮС» в европейской и американской историографии практически нет. В отечественном японоведении о нем не упоминается даже в работах общего характера по истории Японии.

Основателем рода Юки считается Томомицу (1167–1254), третий сын Ояма Масамицу, который был потомком знаменитого военачальника эпохи Хэйан Фудзивара Хидэсато⁷. За верную службу Томомицу был пожалован основателем Камакурского сёгуната Минамото Ёритомо (1147–1199) уездом Юки в провинции Симоса, войдя в число влиятельнейших вассалов первого сёгуна. По названию уезда он и его наследники стали носить фамилию Юки. В период Намбокутё (1336–1392) клан Юки принял сторону сёгунов из династии Асикага. Отпрыскам этого рода доводилось занимать должности военных наместников (*сюго*) провинций Ава и Симоцукэ⁸.

Во время смуты годов Эйкё (1438–1439) наместник области Канто (*Камакура кубо*) Асикага Мотиудзи (1398–1439) взбунтовался против

сёгуна, но, потерпев поражение, совершил самоубийство. Удзитомо (1397–1441), 11-й глава рода Юки, в 1440 г. возглавил оставшихся сторонников Мотиудзи в Восточной Японии, укрыв его сыновей в своем замке. Лояльные бакуфу силы смогли овладеть замком Юки лишь после многомесячной осады в 1441 г.

В конце XV в. после утраты бакуфу всякого влияния на востоке Японии и в условиях нараставшей междоусобной борьбы положение рода сумел восстановить Юки Масатомо (1479–1547). В 1499 г. он уничтожил чрезмерно усилившегося вассала Тагая Идзуми-но ками, а также успешно воевал с соседними кланами Ода⁹ и Уцуномия. Таким образом, к моменту прихода к власти его сына Масакацу, по воле которого было создано уложение «Юки-си син хатто», дом Юки относился к старым, именитым и хорошо известным в Восточной Японии военным кланам.

Юки Масакацу (?–1559) еще более упрочил позиции клана. Он заключил союз с могущественным домом Гоходзё, стремившимся к доминированию в области Канто. В 1556 г. посланные Гоходзё отряды помогли Масакацу нанести поражение его врагу Ода Удзихару (1534–1601) в битве при Эбигасима. Практически все владения Ода перешли Юки. Правда, всего лишь через четыре месяца после этой победы Ода Удзихару удалось отвоевать значительную часть своего удела¹⁰.

В 1559 г. Масакацу наследует его сын Харутомо (1534–1614), который поначалу сохранил альянс с Гоходзё. Однако враждебная Гоходзё коалиция даймё области Канто, к которой принадлежали дома Ода, Уцуномия, Сатакэ и др., выступила против Харутомо, осадив замок Юки в 1560 г. Хотя взять его не удалось, по условиям заключенного перемирия Юки лишились практически всех своих владений, включая недавно отнятые у Ода земли. Во второй половине 1560-х – начале 1570-х годов Канто становится ареной противостояния могущественных домов Гоходзё, Уэсуги и Такэда. Род Юки ориентируется на Гоходзё, хотя периодически вынужден переходить на сторону Уэсуги, вплоть до 1575 г. Затем Юки примыкают к коалиции князей Канто, направленной против экспансии Гоходзё.

В 1590 г. Юки Харутомо прибыл в лагерь Тоётоми Хидэёси (1536–1598), осаждавшего Одавара, главный замок Гоходзё, и изъявил ему покорность¹¹. В ответ объединитель Японии подтвердил его права на удел. Харутомо, у которого не было наследников, усыновил одного из сыновей Токугава Иэясу (1542–1616) – Хидэясу (1574–1607)¹², приняв

³ Сокращенный перевод 13 статей (ст. 22, 23, 26, 28, 51, 53, 65, 66, 67, 68, 69, 72, 73), выполненный Paul Varley, опубликован в *Sources of Japanese Tradition. Second edition. Volume 1: from earliest times to 1600. Compiled by Wm. Theodore de Bary, Donald Keene, George Tanabe, and Paul Varley. New York. 2001. P. 423, 424.*

⁴ Юки-си си. Т.4. Кодай тосэй цуси-хэн. (История города Юки. Полная история древности и средних веков). Токио. 1980. С. 769–807.

⁵ Свиток с уложением был изъеден насекомыми.

⁶ Тосэй хосэй сирёсю... С. 454.

⁷ Фудзивара Хидэсато жил в X веке, годы рождения и смерти неизвестны, отличился при подавлении мятежа Тайра-но Масакадо (939–940). К Хидэсато возводили свой род такие известные военные дома Восточной Японии как Ояма, Юки, Ватари.

⁸ Итимура Такао. Юки удзи // Сэкай дайхякка дзитэн (Большая всемирная энциклопедия). Под ред. Сюити Като. Электронное издание. 2007.

⁹ Дом Ода (小田) из провинции Хитати не следует путать с родом Ода (織田) из провинции Овари, к которому принадлежал один из трёх «объединителей» Японии Ода Нобунага.

¹⁰ Юки-си си. С. 561–563.

¹¹ Там же. С. 566–576.

¹² Хидэясу, второй сын Токугава Иэясу, был усыновлен Тоётоми Хидэёси и носил фамилию Хасиба. После усыновления Юки Масакацу в 18-м году Тэнсё (1590 г.) он сменил её на Юки.

монашеский постриг и оставив ему место главы дома. Юки Хидэясу за заслуги, проявленные во время битвы при Сэкигахара, получил новые, значительно более богатые владения, основав княжество Фукуи¹³. Преемник Хидэясу изменил свою фамилию на Мацудайра.

Единственным источником, очень скупо и отрывочно освещающим обстоятельства создания уложения, является сам его текст. По форме статьи «ЮС» – законы (в ряде случаев наставления), адресованные князем Юки Масакацу его дому. Однако из ст. 44, 82 и 83 вытекает, что он привлекал к разработке текста (по меньшей мере этих трёх статей) 15 своих виднейших вассалов. Кроме того, для введения в силу «ЮС», кроме личной монограммы Юки в конце текста, понадобились еще и монограммы 15 главных вассалов¹⁴.

Неизвестно, почему свод был введен именно в 1556 г. и какое именно событие стало поводом для этого. Исследователи полагают, что его создание могло быть связано с победой над Ода Удзихару: Юки Масакацу пожелал упорядочить вассальные отношения и управление уделом после значительных территориальных приобретений¹⁵.

Введение к уложению и многие его статьи представлены как обращение князя к вассалам. Во введении, а также в ст. 72, 85, 94 употреблено местоимение первого лица – *ми* (身), как и в ст. 62 в аналогичном качестве – *гу* (愚), в ст. 30 – *корэ* (これ). Соответственно местоимением второго лица (вы) – *оно оно* (各) – сопровождается введение, а также многие статьи «ЮС» (например, ст. 23, 44, 48, 82, 83, 85, 87, 88, 97)¹⁶. Это слово используется, по-видимому, как для обращения к виднейшим вассалам (ст. 44, 82, 83), участвовавшим в написании «ЮС», так и для обращения ко всей совокупности служилых людей и вассалов дома Юки (введение, ст. 23, 48, 85, 87, 88, 97, 101, 102).

В вводной части к «ЮС» излагаются причины, побудившие Юки Масакацу к созданию свода. Он сетует на недовольство вассалов его судебными решениями. Многие из них, отстаивая свои интересы или выгоды родичей или слуг, не брезгают «выдавать кривду за правду» лишь бы добиться для них победы в суде, дерзко настаивают на своем, даже если неправы. Из этого следует, что законы «ЮС» были установлены, чтобы умиротворить дерзких и ропщущих на справедливость княжеского правосудия.

¹³ Кроме провинции Этидзэн, ему были переданы некоторые районы провинций Вакаса и Синано. Сэнгоку даймё касиндан дзитэн. Тогоку хэн (Словарь вассальных групп сэнгоку даймё. Область Тогоку). Токио. 1981. С. 813. Княжество Фукуи (Фукуи-хан) просуществовало до 1871 г., когда было преобразовано в префектуру Фукуи.

¹⁴ В именах 9 из 15 вассалов, давших клятву соблюдать законы «ЮС», есть иероглифы *маса* (政) или *кацу* (勝) из имени Юки Масакацу. Пожалование иероглифа из имени даймё было знаком его благосклонности и расценивалось как награда за преданность.

¹⁵ Юки-си си... С. 657.

¹⁶ Как местоимение второго лица (вы), используя которое даймё обращается к вассалам, выступает и *мина мина* в ст. 64.

Вероятно, подразумевается, что новое уложение обеспечит неоспоримую силу судебным решениям даймё, упрочит его судебную власть.

Тем непокорным вассалам, которые будут противиться новым законам, Юки Масакацу грозит: «обрушусь с великой силой и сокрушу». При этом он говорит, что и в будущем уложение сохранит свое действие. Это может свидетельствовать о том, что своды законов периода *Сэнгоку*, по замыслу их создателей, были рассчитаны на долговременный эффект, в отличие от отдельных их указов и распоряжений. Срок действия последних часто ограничивался временем правления одного даймё, следующий князь вновь подтверждал (или не подтверждал) их силу.

Таким образом, в случае «ЮС» можно утверждать, что свод был задуман как средство укрепления своей власти и авторитета. По логике рассуждений даймё во введении к «ЮС» до появления свода наблюдались проявления непокорности и своеволия, что досаждало и князю и другим вассалам, но после создания «ЮС» такое поведение становилось недопустимым и приравнивалось к измене. Составление законодательного уложения оказывалось по мысли его создателя ключевым моментом, с которого его власть значительно усиливалась.

В преамбуле же называются источники, ставшие основой для «ЮС»: указы и судебные решения Юки Масакацу и прежних князей этого дома¹⁷. Вместе с тем некоторое влияние на «ЮС» оказал и знаменитый законодательный кодекс эпохи Камакура «Госэйбай сикимоку» (1232 г.). Ст. 15 и 56 «ЮС» восходят к ст. 41 и 33 камакурского судебного. При этом нормы «Госэйбай сикимоку» оказываются пересмотренными. Ст. 41 «ГС» декларировала принцип урегулирования конфликтов относительно владения детьми холопов и рабов. Если в результате их связи рождалось потомство, то мальчики становились собственностью хозяина отца, а девочки – господина матери. Однако норма закона «ГС» признавалась в ст. 15 лишь при рождении детей холопов, принадлежащих разным господам, в усадьбе третьего лица. Если дети появились в усадьбе одного из их хозяев, права на них получал тот господин, который их кормил и содержал до 10 или до 15 лет. Налицо пересмотр нормы «ГС», который именуется *кохо* (古法) – стародавним, древним законом. В ст. 33 «Госэйбай сикимоку» поджог расценивается как правонарушение по тяжести равнозначное воровству, тогда как в ст. 56 он считается более тяжким преступлением: поджигателя положено предать особенно жестокой казни, распяв несколько раз.

Вместе с тем обращает на себя внимание определенная преемственность законов Юки по отношению к «Госэйбай сикимоку». В обоих случаях основной текст завершается клятвой сановников (вассалов) не

¹⁷ Можно также предположить, что в «ЮС» вошли и нормы обычного права провинции Симоса. Так, в ст. 44, устанавливающей правила наследования прав истребования долга, упомянуты «обычай этого мира» (*ё-но нарай*), которые законодатель признает.

отступать от записанного. Однако обнаруживается и важное различие: в «ЮС» подчеркнуто положение даймё как верховного законодателя, судьи, главы клана. Уложение вводится по его воле, и основной текст завершен его именем и монограммой, что подчеркивает его квази-монархический статус. В «Госэйбай сикимоку» имена сиккэна Ходзё Ясутоки (1183–1242), фактического правителя Японии эпохи Камакура, и рэнсё Ходзё Токифуса (1175–1240) – второго после него по статусу должностного лица сёгуната, стоят в конце перечня имен подписавших судебник членов высшего судебного органа сёгуната *хёдзёсю*. Первенствующее положение Ходзё Ясутоки, главного инициатора составления «Госэйбай сикимоку», не обозначено.

Нет оснований сомневаться в том, что именно «ЮС» имел наивысшую юридическую силу во владениях дома Юки подобно законам других *сэнгоку даймё* в их землях. В момент составления «ЮС» дом Юки находился в зените своего могущества: помимо уезда Юки провинции Симоса влияние клана распространялось на западные районы провинции Хитати и юго-восток провинции Симоцукэ. Известно, однако, что степень зависимости от Юки разных вассальных кланов сильно варьировалась, следовательно, в разных областях княжества законы «ЮС» могли действовать по-разному.

В уложении можно встретить разные слова для обозначения территории, на которую распространялись власть и влияние дома Юки. Центральную ее часть составляли земли Юки *хидза-но сита* (буквальный перевод «у колен [дома] Юки», ст. 94), также именовавшиеся *коната хидза-но сита* (буквальный перевод «у наших колен», ст. 104), *тэмото* («под рукой», ст. 75), *тоти* («эта земля», ст. 33, 35). Все эти названия следует, по-видимому, отождествить с: 1) замком-резиденцией Юки (*мидзё* – «главный замок» ст. 67); 2) примыкавшим к нему призамковым городом¹⁸, состоявшим из шести отдельных, имевших свои оборонительные сооружения поселений (*мати*) – Сюку, Нисиномия, Мибаси, Оясэ, Тамаока, Хитодэ (ст. 32); 3) областью, окружавшей замок и призамковый город, в которой находились деревни (*готю*, ст. 75). Вероятно, к этой же центральной зоне можно отнести и два замка Ниситатэ и Накадзё, которые упоминаются вместе с частями призамкового поселения Юки (ст. 32, 34, 82). Порядок несения сторожевой службы, ремонта пришедших в негодность ворот и мостов были для них одинаковыми.

Центральная зона была окружена владениями наследственных вассалов и отпрысков младших линий дома Юки. Вместе со служилыми людьми и вассалами из первой области они составляли вассальный дом Юки – *уцуро*(*洞*)¹⁹, который часто упоминается в «ЮС» (ст. 8, 16, 23,

54, 62, 65, 71, 85, 87, 88, 99, 104). Во второй добавленной статье как синоним *уцуро* употребляется слово *иэ* («дом»). Хотя в процессе составления «ЮС» главными советчиками Юки Масакацу были 15 виднейших вассалов, статьи уложения адресованы не только им, но и остальным воинам, формировавшим *уцуро*. Ко второй зоне принадлежали и области Огури и Нака (ст. 74), а также захваченные у Ода Удзихару земли.

Наконец, по соседству располагались упоминаемые в ст. 74 владения Ямакава, Симодатэ и Симоцума, принадлежавшие соответственно кланам Ямакава, Мидзуноя и Тагая²⁰. Характерно, что эти уделы фигурируют в ст. 74 наряду с районом Огури и уездом Нака и землями, над которыми «мы (т. е. дом Юки – С. П.) властвуем». Вероятно, Юки Масакацу относил Ямакава, Мидзуноя и Тагая к своему дому (*уцуро*), хотя такое притязание не соответствовало действительному характеру их взаимоотношений с Юки.

Дом Ямакава был младшей ветвью Юки, а Мидзуноя и Тагая по происхождению были их потомственными вассалами. К середине XVI столетия их уделы по своим размерам были сопоставимы с княжеством Юки. Главам этих домов подчинялись вассалы, которым они по своей воле жаловали земли и титулы. Храмам и святилищам они, не оглядываясь на Юки, даровали владения и различные привилегии.

Три этих клана должны были по призыву Юки поддерживать их во время войны, отправляя на помощь свои отряды. Правда, в реальности этой обязанностью они часто пренебрегали. В рассматриваемый период Ямакава, Мидзуноя и Тагая нередко проводили независимый от Юки внешний курс, по своему желанию вступая в сношения и заключая союзы с соседними даймё (Ода, Сатакэ, Уцуномия и др.). Руководствуясь своей выгодой, они могли «предать» Юки, перейдя на сторону их врагов и даже воевать против них. Так в 1560 г. замок Юки, состоявших тогда в союзе с Гоходзё, был осажден войсками кланов Уцуномия, Ояма, Сатакэ. В осаде участвовали и отряды уже упомянутого выше дома Тагая²¹. 1561 г. Ямакава, Мидзуноя и Тагая откололись от Юки, верных Гоходзё, и перешли на сторону Уэсуги Кэнсин (1530–1578), врага дома Гоходзё.

По сути эти три дома можно рассматривать как полунезависимых младших союзников Юки. Тем не менее, они по традиции признавали превосходство дома Юки, который видел в них своих вассалов. Даже после измены или войны против Юки, Ямакава, Мидзуноя и Тагая по

²⁰ В настоящее время владения Ямакава (山川), располагавшиеся к югу от удела Юки, находятся в черте города Юки префектуры Ибараки. Владение Симодатэ (下館) располагалось к востоку от земель Юки, сейчас оно находится на территории города Симодатэ префектуры Ибараки. Наконец, удел Симоцума (下妻) располагался к юго-востоку от земель Юки, а теперь соответствует территории города Симоцума (префектура Ибараки).

²¹ Замок Юки выстоял, но по условиям заключенного перемирия Юки лишились значительной части своего княжества, остатка отобранных у клана Ода земель. Под их контролем осталось ядро удела – замок Юки и окружающая его область.

¹⁸ Призамковые города – *дзёкамати* (城下町).

¹⁹ В других княжествах периода *Сэнгоку* вассальный дом мог обозначаться словом *катю* (家中).

своей воле вновь изъявляли им покорность. В 1548 г. Тагая Иэсуги отдал Юки Масакацу своего младшего брата в заложники. Даймё Юки также случалось улаживать споры, возникавшие между Мидзуноя и Тагая. Кроме того, дом Юки, а также Ямакава, Мидзуноя и Тагая заключали между собой брачные союзы.

Таким образом, можно принять мнение Итимура Такао. Этот ученый обоснованно рассматривает даймё Юки как главу неравноправного военно-политического союза, который отнюдь не был по отношению к упомянутым кланам сюзереном, располагавшим серьезной властью, а скорее первым среди равных²². Можно было бы добавить, что де-юре Юки всё-таки считали себя сюзереном по отношению Ямакава, Мидзуноя и Тагая, относя их к своему *уцуро*.

Примечательно, что термин *уцуро* использовался и в других родовитых военных домах области Канто (Сатакэ, Уцунумия и др.). И, подобно Юки, контроль других даймё Канто над их вассальными домами не был прочным. Причины сохранения подобных рыхлых и непрочных образований в период *Сэнгоку* заключались не только в силе традиции, но и в том, что военно-политические связи между мелкими владетелями Канто позволяли выжить в условиях постоянных междоусобных войн и присутствия в этом регионе внешних сил (Такэда, Гоходзё, Уэсуги).

Поскольку дом Юки рассматривал Ямакава, Мидзуноя и Тагая как своих вассалов, как часть *уцуро*, вероятно, и статьи «ЮС», по замыслу законодателя, должны были действовать в их владениях. Вполне определенно об этом свидетельствуют ст. 73, 74, 75, общей темой которых является конфискация провозимого без разрешения даймё Юки, «контрабандного» груза. Согласно ст. 73, если товары привозили купцы из «других мест», т. е. внешних областей, на которые не распространялось влияние Юки, не получив от Юки разрешение, у них отбирали только товар. По ст. 74 за аналогичное нарушение у торговцев из владений Ямакава, Мидзуноя и Тагая, а также из других областей, подвластных дому Юки, отнимали не только груз, но и лошадей. Торговцев из центральной части удела Юки ждало наиболее суровое наказание: они лишались не только товара, лошадей, но и оружия – коротких мечей *косигатана*²³.

Вероятно, разные санкции в отношении «контрабандистов» отражают определенную закономерность. Похоже, что суровость наказания зависела от происхождения торговцев-нарушителей. Самые жесткие наказания применялись в отношении торговцев из центра княжества, где позиции Юки были наиболее прочными. Более снисходителен законодатель был к купцам из других районов княжества и полунезависимых уделов Ямакава, Мидзуноя и Тагая, где влияние Юки проявлялось слабее.

²² Итимура Такао. Сэнгоку-ки Тогоку тоси то кэнрёку (Города и власть в Тогоку периода Сэнгоку). Токио. 1994. С. 180.

²³ Косигатана (腰刀) – короткий меч без гарды, носившийся за поясом.

Можно согласиться с Итимура Такао, который полагает, что законы Юки в полной мере могли действовать только в центральной части их удела²⁴ и лишь отчасти даже в близлежащих владениях наследственных вассалов и представителей младших линий дома Юки. Возникают сомнения, что положения «ЮС» вообще учитывались в землях полунезависимых вассалов Ямакава, Мидзуноя и Тагая. Имен глав этих трёх кланов нет среди 15 вассалов, поклявшихся следовать «ЮС», хотя там же присутствуют представители боковых ветвей клана Тагая. Вместе с тем, даймё ожидал соблюдения законов свода и от этих трех магнатов, поскольку они причислялись к его вассальному дому – *уцуро* – «ЮС».

В тексте «ЮС» княжеству Юки, т. е. землям, где находится их домен и земли их вассалов (*уцуро*), противопоставлены «чужие» земли, расположенные за пределами их влияния и неподвластные им: *масё* («иные земли», ст. 2, 62, 64, 71, 73, 94), *энкоку* («дальние провинции», ст. 7), *такоку* («другие провинции», ст. 7). С «зарубежьем» соотносится и термин *такэ* («другие дома»), т. е. вассальные дома других даймё (ст. 23, 62). Владения врагов именуются в своде *тэкиити*, *тэккё* («земли врага», ст. 24, 79).

Особо выделены ближайшие к княжеству области союзников Юки – «соседние чужие земли» (*кимпэн-но масё*, ст. 104), к которым в 1556 г. причислялся и удел Ояма (ст. 8). В первой добавленной статье встречается термин *кубо-рё* (公方領, «владения кубо»). Кобаяси Хироси считал, что в данном случае подразумеваются владения даймё Юки²⁵. Сато Синьити же полагал, что речь идет о землях сёгуна или же его наместника в Канто (*Кога кубо*²⁶). Наконец, Итимура Такао склонялся к тому, что в статье говорится об уделе именно *Кога кубо*²⁷. Последняя точка зрения кажется наиболее предпочтительной, учитывая тот факт, что владения *Кога кубо* граничили с княжеством Юки. Судя по содержанию первой добавленной статьи, между домом Юки и *Кога кубо* могли

²⁴ Итимура Такао. Сэнгоку-ки... С. 179.

²⁵ Кобаяси Хироси. Датэ-кэ Дзинкайсё-но кэнкю (Исследование «Дзинкайсё» дома Датэ). Токио. 1970. С. 401.

²⁶ С периода Хэйан слово *кубо* применялось для обозначения ведомств императорского двора или их полномочий, самого императора. С середины эпохи Камакура *кубо* стали называть сёгуна, а в период Муромати также его наместников на Кюсю, в области Канто (*Камакура кубо*) и его представителей на севере Японии. В середине XV в. после мятежа против сёгуна *Камакура кубо* Асикага Сигэудзи (1434–1497) появилось два *кубо*. Оба претендовали на положение наместника Канто. *Хоригоэ кубо*, резиденция которого находилась в Хоригоэ (провинция Идзу) был лоялен бакуфу. Асикага Сигэудзи в 1455 г. перенес свою резиденцию в замок Кога (провинция Симоса) и стал именоваться *Кога кубо*. Наряду с этим с конца периода Камакура в актовых материалах слово *кубо* начало употребляться в отношении владельцев сёэн и дзито. В эпоху *Сэнгоку* *кубо* называли и *Сэнгоку даймё*. См. Амино Ёсихико. Кубо // Сэкай дайхакка дзитэн. Кубо // Иванами Нихон-си дзитэн (Словарь японской истории Иванами). Издание на CD диске. 2000.

²⁷ Юки-си си... С. 802.

быть договоренности о взаимном возвращении беглых несвободных и зависимых людей. Дом Юки признавал формально главенствующее положение в Канто *Кога кубо*, принадлежавших к ветви Асикага. В середине XVI в. *Кога кубо* были поставлены под контроль дома Гоходзё и использовались для оправдания его экспансии в Канто. В 1556 г. дружины *Кога кубо* Асикага Ёсиудзи вместе с отрядами Гоходзё помогли Юки Масакацу разгромить Ода Удзихару.

Можно согласиться, что по своей сущности «ЮС» – это законы для вассального дома (*кэтю-хо*), а не для всех жителей определенной территории (княжества), подвластной Юки (*бункоку-хо*). Уложение обращено к вассалам дома Юки, и, прежде всего, к 15 наиболее влиятельным из них, подписавших «ЮС». Вероятно, последние или же ограниченный круг высокоранговых вассалов и должностных лиц Юки и располагали копиями уложения, а «непосвященным», т. е. большинству служилых людей и иным группам населения оно было недоступно. Однако многие законоположения касаются вопросов, не относящихся к «феодальным» связям, а таких тем как борьба с преступностью (разбойниками, грабителями, поджигателями), стычками во время празднеств и ярмарок, регламентация торговли, кредитно-долговые отношения и т. п. Все эти аспекты относятся к реализации государственной властью публично-правовых функций.

Вассалы Юки выступают в уложении не только как «объект» законодательных регламентаций даймё, но и как лица, сопричастные законотворчеству. Кроме того, в ряде статей на них возлагаются обязанности по исполнению законоположений, т. е. они выступают в некоторой степени в качестве «агентов публичной власти», ответственных за соблюдение законов. При этом они связаны с даймё личными отношениями господства–подчинения, не занимая определенных должностей в протобюрократической системе управления княжеством. Так, согласно ст. 86 вассалы были вправе, получив разрешение от даймё, задерживать незаконно перевозимые грузы. В ст. 101, 102 вассалам предписывается отдать распоряжения находящимся в их владении крестьянским общинам (*готю*) уплачивать годовой оброк в установленное время.

Наличие в конце уложения клятвы влиятельнейших вассалов показывает, что персональные взаимоотношения между даймё и его вассалами были очень важны. Законы не только устанавливались, но и приводились в действие при согласии вассалов, согласии, которого ожидал правитель, не обладавший абсолютной властью и не способный без совета с ними в одностороннем порядке ввести новый свод законов. Персональный характер его власти, который прослеживается в «ЮС», имеет мало общего с безличной государственной властью. Никак нельзя согласиться с В. Н. Ереминым, который полагает, что в период *Сэнгоку* «основа юрисдикции» даймё приобрела территориальный характер²⁸. В

этом случае личный характер связей даймё и его вассалов утратил бы свое значение. Между тем «ЮС» адресован вассалам Юки, их лояльность должна была стать залогом действенности уложения. Характерно, что в «ЮС» нет названий, встречающихся в других сводах и обозначающих территории, подвластные даймё, их княжество – *бункоку*, *кокка*, *кун*. В то же время в «ЮС» неоднократно встречается слово *уцуро*, означающее совокупность вассалов и служилых людей, подвластных даймё, что также свидетельствует о том, что власть Юки в немалой степени опиралась на систему личных связей, а их юрисдикция не приобрела исключительно территориальный характер.

В кодексе немало эмоционально окрашенных положений, в которых Юки Масакацу жалуется, поучает своих людей, либо раскрывает свои пристрастия и привязанности. Такие «субъективные» интонации отличаются «ЮС» от других законодательных сводов, где они выражены куда слабее, сближая его с *какун* (поучениями) даймё эпохи воюющих провинций. Так, он признается в своей нелюбви к развлечениям и мирским утехам, которым предпочитает разбор утомительных дел управления (преамбула к «ЮС»). Вводя устав для пиров, с нескрываемым раздражением он порицает пьянство своих людей: «...Разве достойно [ведут себя те, кто] перебрав лишнего, напьются сакэ настолько, что их стошнит на ограду дома или на иное место. А хозяин хоть и понимает в душе, как это неприлично, желая напоить, без конца подливает» (ст. 62). Даймё негодует, глядя на «нелепое поведение и шутовские одежды» слуг вассалов (ст. 64). «Напившись сакэ, представлять чье-либо прошение, представ перед [моими], глазами, говорить вздор не дозволяется. Полагается хорошо протрезветь, и в ясном уме явиться. [Тогда] по любому делу обращаться разрешается», – увещевает он.

В ст. 87 Юки Масакацу с нескрываемой насмешкой описывает вассалов, стремящихся правдами и неправдами сделать своих родичей настоятелями буддийских храмов: «Долгое время уже приглядываюсь [к делам] дома Юки и вижу, что [вы] часто посылаете в *кугайдзи* ваших братьев и сыновей, даже если они совсем негодны к монашеской [жизни], и как можно воочию видеть, желаете их сделать настоятелями. Но поистине это заблуждение. У монахов нет жен, не вкушают они ни рыбы, ни птицы. Если же [ваши родственники] нетвердо выучат даже свиток «Ханья сингё»²⁹, [говорите, что-де] достойны похвалы и уважения, и по-иному прилюдно превозносите. Но это поистине нелепо и постыдно. Даже такой самый обыкновенный мирянин как я, [исполняя обряды] в дни, на которые приходится годовщина смерти родителей, держу летний пост...³⁰ и [совершаю] другие [обряды]. Те же не ведают истин [закона

²⁹ «Ханья сингё» (般若心經) – «Сутра сердца», один из ключевых текстов махаянского буддизма и одна из наиболее коротких буддийских сутр.

³⁰ Здесь я опускаю бином, непонятный и для японских комментаторов «ЮС» – 未卯. По-видимому, речь идет о ритуалах, которые положено исполнять буддийскому монаху.

²⁸ Еремин В. Н. История правовой системы Японии. М., 2010. С. 123.

Будды] и пути к возрождению в раю... В конце концов, на что годен монах, который [держится] только покровительством мирян?». Таким образом, некоторые статьи оказываются не законами, а наставлениями морально-этического характера, что лишний раз свидетельствует о неразделенности закона и морали в уложениях *Сэнгоку*.

В ряде статей «ЮС» контроль над исполнением законов осуществляют служилые люди даймё, занимающие определенные должности в аппарате управления княжеством, называемые по-разному. Так в ст. 17 княжеский слуга (*бугё*) следит за порядком во время синтоистских церемоний и празднеств, а также ярмарок, где только он вправе карать преступников. В ст. 30 фигурирует *тэра бугё*, через которого храмам надлежит обращаться к даймё с просьбами, жалобами и т. д. В ст. 83, 89, 91, 92, 103 княжеский представитель (*якунин*) следит за торговлей в городах и селах, качеством монеты, находящейся в обращении, пресекая нарушение установленных мер и весов, цен при торговле рисом, сакэ и т. п. В конце уложения стоят имена семи княжеских посланцев (*гоцукан*), которые, по-видимому, извещали о воле даймё, и исполняли другие его поручения.

Однако в целом названия административных постов в «ЮС» встречаются редко. По-видимому, разделение функций внутри административного аппарата не было строгим, и должностные лица в военное время также выступали в поход с остальными вассалами. В уложении значение протобюрократических структур невелико, они не являются главной опорой власти даймё. Гораздо больше внимания уделено отношениям между даймё и его *уцуро* (вассальным домом), хотя содержание свода не сводится к этой теме.

В уложении при отсутствии описания вассальной иерархии фигурируют разные категории вассалов и служилых людей, при этом особенности их статуса, как правило, не поясняются. К верхней страте можно отнести *икка* – представителей боковых ветвей дома Юки (ст. 62), «старейших вассалов» (*родзин* – преамбула, ст. 62), «сотрапезников» (*сёбансю*³¹), «приближенных к особе даймё» (*госюто-но хито*, ст. 91). Другую группу составляют *умамавари* (ст. 71) – напрямую подчиняющиеся даймё воины, которые во время войны под страхом наказания должны были держаться вместе, отдельно от отрядов союзников и дружин других вассалов дома Юки. Они составляли своего рода гвардию из прямых вассалов даймё. В ст. 27, 31 говорится о *кинсин* («ближних

³¹ *Сёбансю* (相伴衆) именовали в период Муромати сотрапезников сёгуна, пировавших с ним, когда он гостил в домах вассалов и сановников или устраивал пиры в своем дворце. Впоследствии это название превратилось в обозначение разряда в иерархии вассалов сёгуна. Это звание носили не только родовитые *сюго*, но и столичные аристократы и дзэнские монахи, приближенные к сёгуну. См. *Тоёда Тоёхико*. Сёбансю// Сэкай дайхякка дзитэн. В «ЮС» *сёбансю* – сотрапезники даймё Юки.

вассалах»), в ст. 64 об «*асигару* из других земель». К сожалению, в «ЮС» недостаточно данных для исследования их положения и роли в вассальном доме. Можно лишь отметить, что в уложении нет встречающихся в некоторых других княжествах эпохи *Сэнгоку* наименований групп вассалов, такие как *фудай* («наследственные») или *тодзама* («сторонние»). Как известно этими словами обозначали разные категории вассалов в период Токугава³².

Слово *хобай* («сотоварищи») в своде используется для обозначения равных по положению вассалов дома Юки (преамбула, ст. 5, 7, 14, 61, 62, 65). Между высокопоставленными и низкоранговыми вассалами устанавливались личные связи, которые, впрочем, не оставались без контроля даймё. Могущественные вассалы, называвшиеся в «ЮС» *синан ояката* (ст. 31) или *госинан-но ката* (ст. 48), выполняли функции посредников, представляя даймё иски и ходатайства мелких и средних вассалов, именовавшихся *синан* (ст. 31, 32) или *синан-но моно* (ст. 8, 77, 81, 90)³³.

Синан составляли гарнизоны замков, комендантами которых назначались их покровители. Впрочем, в точном смысле слова *синан* были вассалами даймё Юки, а не своих *ояката*. Именно даймё подтверждал их права на земельные владения³⁴. По ст. 90 *ояката* были лишены возможности без дозволения даймё получать владения умерших *синан*. Хотя наличие данного запрета может быть доказательством того, что на практике подобные случаи не были редкостью и, вероятно, *ояката* имел в этом отношении какие-то особые права. *Ояката* заступался за *синан*, допуская их правонарушения (ст. 77). Вместе с тем *синан* могли обращаться к даймё через другого посредника, если их *ояката* допускал произвол и притеснял их (ст. 31). Тем самым даймё стремился не допустить чрезмерной зависимости *синан* от их покровителей.

В своде слово «самурай» употреблено только в четырех статьях (ст. 18, 32, 95, 98), зачастую для обозначения верхних социальных слоев в противоположность низам – холопам (*гэнин*)³⁵. Каковы были их права, привилегии, обязанности по отношению к даймё? Можно ли отнести к самураям тех вассалов даймё, которые исполняли военную повинность?

³² Фудай даймё воевали на стороне Токугава Иэясу в битве при Сэкигахара, тогда как тодзама даймё были в рядах его противников.

³³ Бином *синан* (指南) в китайских источниках означает преподавание военного искусства, а также наставника в военном деле. *Синан* также фигурируют в своде «Дзинкайсю», принятом в 1526г. даймё Датэ Танэмунэ, княжество которого занимало ряд областей провинций Муцу и Дэва на севере Японии.

³⁴ Юки-си си... С. 611.

³⁵ Самурай в ст. 98 отличаются не только от холопов (*гэнин*), но и от «жителей деревень» (*сато-но моно*). В ст. 32 самурай также ассоциируются с городом. Тот факт, что самурай фигурируют только в 4-х статьях свода, скорее говорит о том, что это слово не было общим наименованием для служилых людей.

Какие из упомянутых в своде социальных групп, связанных с даймё, соответствуют самураям, а какие нет? На все эти вопросы невозможно дать определенный ответ.

Пожалуй только один термин объединяет в «ЮС» все категории служилых людей дома Юки – *уцуро* (вассальный дом). основополагающие принципы политики даймё в отношении вассалов, формировавшихся *уцуро*, раскрыты в своде довольно подробно.

Вассалы как привилегированная социальная группа отграничиваются от остального населения принадлежностью к *уцуро*, во главе которого находится даймё. Им запрещено заниматься торговлей, хотя из ст. 81 можно заключить, что этот запрет обходился. Каждый вассал Юки возглавлял клан, состоявший из родственников (*синруй*, *энруй*), зависимых слуг (*касэмоно*)³⁶, холопов (*гэнин*). Ему принадлежали владения (*сэ-тай*), доходность которых определяла тяжесть его ратной службы даймё (еще один сословный маркер). Многие вассалы (а, скорее всего, даже их большинство), в отличие от периода Токугава, проживали не в призамковых городах, а в деревнях (ст. 31).

В своде статус вассала князя подразумевает наличие родовой фамилии (*мёдзи*), поскольку род вассала, совершивший тяжкое преступление, лишается своего имени, что равносильно его уничтожению. Как известно, одной из наивысших ценностей эпохи «средневековья» в Японии было сохранение, укрепление и продолжение существования своего клана (*иэ*). Поэтому подобное наказание не могло не быть одним из самых страшных для вассалов Юки.

Ключевыми принципами, определявшими взаимоотношения даймё и вассалов в «ЮС» были преданная служба и ответная готовность её вознаградить по достоинству (в том числе земельными пожалованиями). Соответственно измена провозглашалась в ст. 22 самым тяжким преступлением, которое каралась казнью изменника и его родственников, конфискацией его земельных владений, уничтожением имени его клана. Верность даймё ставилась превыше родственных уз (ст. 51).

³⁶ *Касэмоно* (*касэгимоно*) (悴者) – в «ЮС» слуги, по статусу сопоставимые с холопами и часто упоминаемые вместе с ними. Относительно их статуса среди японских историков нет единого мнения. В словаре «Кодзинэн» *касэмоно* трактуется как низкоранговый самурай. По мнению Сато Синъити, *касэмоно* составляли низший слой самурайства, занимая более высокое положение чем *тюгэн*, и обладая в отличие от последних фамилией (Сато Синъити. Юки-си синхатто..., С. 462). Симомура Исао полагал, что в период *Сэнгоку* *касэмоно* были не низкоранговыми самураями, а слугами, приближенными самураев, исполнявшими среди прочего роль посланцев. В «ЮС» согласно его осторожным выводам *касэмоно* не были равны самураям, а скорее представляли из себя лиц холопского статуса. Вместе с тем историк подчеркивал, что в других источниках этого периода *касэмоно* выступают в самых разнообразных ипостасях, в том числе как самураи. Симомура Исао. Нихон тусэй-но хо то кэйдай (Экономика и право средневековой Японии). Токио. 1998. С. 488, 489.

Обедневшему наследнику верного вассала ростовщик мог простить одну треть задолженности (ст. 42). Даймё заботился о том, чтобы наследником павшего в битве преданного вассала стал его сын (или муж его дочери), а не брат, которого мог выбрать отец погибшего (ст. 53). Тем самым поощрялась верная служба и готовность отдать жизнь за господина, поскольку даймё обеспечивал сохранение преданного служилого клана. В ст. 84 указывается, что в случае если на одно и то же владение претендовало 5–6 вассалов, победителем в споре оказывался тот, кто выказал наибольшее рвение на службе. Даже убийцу, лишённого владений и изгнанного со службы, могли «реабилитировать», помня о его преданности (ст. 38).

Немаловажным оставался принцип меритократии: негодный к военной повинности и нерадивый наследник преданного вассала отстранялся от службы, его земли конфисковались, а родовое имя уничтожалось (ст. 28).

В «ЮС» даймё выступал в роли главного распорядителя земельного фонда княжества, улаживал конфликты по поводу земельной собственности. В его прерогативы входила конфискация вотчин вассалов, нарушивших свои обязанности перед ним или совершивших тяжкие преступления. В 15 статьях «ЮС» конфискация земель встречается в качестве наказания, которому обычно сопутствовала утрата статуса вассала и уничтожение родового имени (ст. 1, 4, 5, 6, 7, 22, 25, 27, 28, 32, 33, 37, 38, 46, 48). Земли, отобранные у преступников и изменников, пополняли домен Юки, из которого раздавались пожалования проявившим себя на службе вассалам. Эта прерогатива была тем более ценна, что во второй половине XVI в. дом Юки не смог (за исключением 1556г.) существенно расширить свой удел, обороняясь от врагов и теряя свои земли. Между тем именно завоевание новых территорий было источником для земельных раздач и средством укрепления лояльности служилых людей.

Даймё требовал от вассалов содержать в порядке ирригационные сооружения, запрещая в противном случае просить о снижении военной и иных повинностей (ст. 21). По-видимому, у него имелись кадастровые записи, где содержались сведения о размере и доходности владений служилых людей, от которого зависел объем их службы³⁷. В уделе Юки действовала система *кандака*, предполагавшая оценку обязанностей вассала на основе доходности его владений, выраженной в медных монетах (*каммон*). Судя по ст. 59, вассалы сами докладывали князю о своих доходах, а получившие от него пустоши, заброшенные земли должны были после их обработки заявить о росте дохода.

Вместе с тем, ни в «ЮС», ни в других источниках нет никаких признаков проведения домом Юки обмеров земли (*кэнти*) в отдельных

³⁷ Вероятно, об этом косвенно свидетельствует содержание ст. 66.

областях или во всем их уделе³⁸. *Кэнти* были частью внутренней политики таких домов как Гоходзё, Имагава или Такэда (а впоследствии Тоётоми Хидэёси) и позволяли поставить на учет земельные и материальные ресурсы княжества, укрепить вассальную и военную организацию и др. Не исключено, что данные Юки как и других *сэнгоку даймё* о богатстве их «ленников» были неполными.

Утверждая наследование постов глав кланов, даймё одновременно держал в своих руках и наследование их вотчин. При этом княжеская власть пыталась уследить и за судьбой земель принадлежавших младшим ветвям или *синан* могущественных вассалов. Последние были не прочь после смерти родственников или *синан* заполучить их земли или усадьбы в приамковом городе (особенно если они находились поблизости от их владений). Однако в «ЮС» даймё фактически объявлял их действия незаконным захватом, принуждая искать своего согласия (ст. 90).

Почти во всех уложениях *Сэнгоку* есть законы, регулирующие кредитно-долговые отношения, в «ЮС» девять таких статей (ст. 35, 36, 39, 41–46). Обнищание вассалов из-за долгов, приводившее к утрате земельных владений и неспособности нести военную службу, было серьезной проблемой с точки зрения сохранения военного потенциала княжества. Практически все даймё немало внимания уделяли долговому законодательству, периодически издавая указы об аннулировании задолженности вассалов (частичном или полном). Согласно «ЮС», взыскивать имущество вассала, оказавшегося злостным должником, можно только с ведома и согласия даймё (ст. 36). Треть долгов оскудевшего наследника преданного вассала могла быть прощена (ст. 42).

Княжеская власть регламентировала семейно-родственные связи вассального клана: 1) выбор наследника главы клана (ст. 28, 52, 53); 2) споры между отцами и сыновьями (ст. 51); 3) брачные отношения (ст. 22, 57).

Немало статей «ЮС» можно отнести к военному уставу (*гумпо*, «военные законы»), который был призван укрепить военную дисциплину, определить правила военной службы вассалов (ст. 21, 25–27, 66–71, 96, 98). Такого количества норм *гумпо* как в «ЮС» не найти ни в одном другом своде периода «воюющих провинций». Обычно «военные законы» принимались *Сэнгоку даймё* отдельно и не носили всеобъемлющего характера. Они вводились в ходе конкретной военной кампании и могли меняться после начала нового похода или оборонительных действий.

³⁸ Юки-си... С. 662. Соглашаясь в целом с Итимура Такао, следует все же отметить, что в ст. 58 содержится намек на частичные обмеры земли. По этой статье решается спор о границах владений, что предполагает «расследование» на месте, которое, судя по контексту статьи, осуществляет должностное лицо даймё. Слуга даймё, вероятно, измерял спорный участок. И, по всей видимости, если в ходе обмера выявлялись неучтенные земли, они отходили даймё. Таким образом, возможно, что в уделе Юки, как и в княжестве Имагава, проводились «судебные кэнти».

За неисполнение ратной повинности земли вассала подлежали конфискации. Небрежение военной службой не было редкостью, даймё приходилось это терпеть (ст. 25). В военный поход следовало выступать должным образом экипированным и вооруженным (ст. 68). В ст. 66 устанавливалось соотношение тяжести ратной службы и дохода вассала с его владений. Примечательно, что количественное определение этих пропорций отсутствует в остальных законодательных уложениях *Сэнгоку*. Вассалы Юки ранжировались по имущественному критерию на имевших 5, 10 и 15 и выше *каммон* дохода³⁹. Вероятно, самими многочисленными были вассалы первых двух групп. Из статьи следует, что княжеская власть одалживала лошадь и доспехи наименее зажиточным мелким вассалам, которые в состоянии были выступить в поход имея лишь шлем и, по-видимому, оружие. Вассалы, располагавшие владениями доходностью в 10 *каммон*, являлись на коне и полностью экипированными. И только вассалы, чей доход достигал 15 *каммон* (или был больше) приводили с собой еще и вооруженных слуг.

Положения свода свидетельствуют о стремлении даймё заставить действовать вассалов на войне как организованную силу, запретить разрозненные и несогласованные действия, самовольные вылазки, часто предпринимаемые ради княжеских наград и почестей. Наличие подобных статей говорит о том, что войско даймё периода *Сэнгоку* вовсе не было отлаженной и совершенной военной машиной, а, напротив, плохо подчинялось своему предводителю, нередко игнорируя его приказы. Из ст. 71 мы узнаем, что армия Юки состояла из нескольких обособленных формирований: *умамавари* – «гвардии даймё» из его прямых вассалов, а также отрядов других вассальных кланов Юки. Вместе с Юки сражались и союзники «из других земель».

Запрещались любые явные или тайные акции военного характера, включая разведку, не санкционированные даймё (ст. 26, 27, 69, 98). Каралось возвращение из военного похода без его дозволения (ст. 96). В ст. 70 дружинам вассалов предписывалось действовать в координации с главными силами, следуя приказам: «Если кто нарочно задержится при отступлении с места [сражения], а при наступлении вырвется вперед, кем бы он ни был, должен быть брошен [на произвол судьбы]. Когда пытаются удержать такого, непременно случается беда. Помимо всего, он бежит [при виде] сильного врага».

Кроме военной повинности вассалы должны были отправлять своих людей и нести расходы по ремонту оборонительных сооружений, ворот и мостов замков и приамковых поселений. Эта же повинность вменялась в обязанность и простолюдинам (ст. 32, 33, 97). За отказ от участия в восстановлении укреплений, стен и рвов, что само по себе расценива-

³⁹ *Каммон* (кан 貫) – счетная денежная единица для медной монеты (мон 文). 1 кан = 1000 мон. В уделе Юки в кан оценивалась доходность земель вассалов даймё.

лось как измена, положена была конфискация земельных владений и усадьбы. Проявивших во время отработок особое рвение полагалось награждать за преданность (ст. 33). Согласно ст. 82, от жителей княжества, не исключая воинов, требовалось несение ночного дозора в замках и призамковых городах.

Важнейшей темой «ЮС», как и большинства сводов *Сэнгоку*, является недопущение вооруженных стычек и жесткое наказание их участников. Как известно, в «Имагава канамокуроку» (ст. 8) наиболее последовательно отражен принцип *кэнка рёсэйбай* (одинакового наказания участников вооруженной ссоры). Однако в «ЮС» сделан акцент на другой норме, хотя, возможно, правило *кэнка рёсэйбай* и подразумевается в ст. 5. В законах Юки сделана попытка пресечь возможную эскалацию противостояния. Вооруженный конфликт должен оставаться делом его первоначальных участников (ст. 3, 80). Законодатель устрашал возможных сообщников и союзников участников стычки суровым наказанием их родственников (конфискация всех владений и лишение родового имени, ст. 4).

Как и в «Имагава канамокуроку», в «ЮС» поощрялось самообладание вассала, который не отвечал силой на нападение или оскорбления, а обращался через судебного посредника (*содзя*) с жалобой даймё. После этого обидчик отстранялся от княжеской службы, а его усадьба и земли конфисковались (ст. 6). Судя по всему, княжеская власть осознавала, что всякое спонтанное столкновение между двумя вассалами легко могло перерасти во вражду двух и более кланов, к которым они принадлежали, что было недопустимо в условиях почти перманентной войны⁴⁰.

Даймё вправе карать своих вассалов за тяжкие (уголовные) преступления, не исключая старейших (*родзин*) и высокоранговых (*сюкуро*) вассалов, а также родичей дома Юки (ст. 1). Судя по преамбуле и ст. 1 наказание могущественных вассалов, располагавших своей армией из многочисленных слуг и холопов, не было легкой задачей, поэтому Юки Масакацу обещает обрушиться на них с «великой силой» (войском). Вассал, вовлеченный в азартные игры, по ст. 1 лишался земель и усадьбы, а также родового имени, что было равносильно уничтожению его клана. Даймё конфисковал владения вассала, совершившего убийство и ударившегося в бег, а также изгонял его со службы (ст. 38). Укрывавший убийцу вассал терял свои земли и отстранялся от службы (ст. 37). Тех, кто прятал в своих землях разбойников и убийц, рассчитывая их использовать в своих целях, ждала суровая кара: конфискация всех владений и уничтожение родового имени. Так же наказывался высокопоставленный

вассал, его патрон (*госинан-но ката*), осмеливавшийся заступиться за него перед князем (ст. 48). Наконец, давшие пристанище разбойникам из чужих земель (не из княжества Юки), предавались смертной казни (ст. 99).

В «ЮС» нет систематической дифференциации наказаний по словесному признаку, часто не указывается статус преступника (например, ст. 39, 47, 56, 99). Нет и зависимости меры ответственности за сходное преступление от социального положения преступника, что, однако, не доказывает «равенство перед законом» разных социальных групп. Во многих статьях при указании правонарушения не определяется положенное наказание (например, ст. 2, 23, 24, 39, 47, 59, 68–71, 88, 96). По-видимому, участь провинившегося решал сам даймё, являвшийся верховным судьей.

Иногда в уложении не оговаривается социальный статус преступника и создается впечатление, что в таких ситуациях представители всех социальных страт наказывались сходным образом (например, ст. 56 – за поджог). Кое-где подчеркивается внесловесный характер наказания. Так в ст. 18 любой бесчинствующий во время буддийских церемоний и обрядов, «будь то самурай или *гэнин*», должен быть схвачен и побит палками. И *гэнин* и самурай, согласно ст. 32, облагаются податью для починки деревянных ворот и мостов призамковых поселений. По ст. 95 все жители того призамкового города (и самурай и *гэнин*), где в конце «великого буйства»⁴¹ в седьмом месяце» или во время «празднества мальчиков» произошли палочные бои, обязаны выплатить штраф. Одинаково наказывались холопы (*гэнин*), самурай и жители деревень (*сато-но моно*) без дозволения даймё согласившиеся помочь чужеземцам в проведении военной акции, вылазки, разведки, конфискации контрабандных товаров (ст. 98). Выражение «и *гэнин*, и самурай» в своде используется для обозначения всех классов общества «сверху донизу».

Тем не менее, определенные виды преступлений и наказаний ассоциируются с конкретным социальным слоем. Так, небрежение ратной службой, самовольные военные акции и нарушение дисциплины во время похода – это, по определению, преступления, совершавшиеся княжескими вассалами и служилыми людьми, так как именно они были обязаны нести военную службу. В «ЮС» социальный статус правонарушителя может быть определен и по наказанию. Так, вассалы даймё могли отстраняться от службы с конфискацией земель и усадьбы (за соучастие в вооруженной стычке, ст. 5; за нападение и оскорбление на сотоварища, ст. 6; за неразрешенную вылазку против врага, ст. 27; за укрывательство убийцы, ст. 37). Род вассала, подговорившего другого на убийство, лишался своего имени, а его владения конфисковались

⁴⁰ Первыми приходили на помощь ссорящимся родители и дети (*ояко*), родственники (*синруй*), свойственники (*энруй*). Вместе с тем даймё дистанцировался от разбирательства гибели или ранения участников драк и потасовок во время синтоистских празднеств, которые, как известно, сопровождаются обильными возлияниями (ст. 77).

⁴¹ Великое буйство – дайкё (大狂). Смысл слова неясен. Второй знак бинума (狂) означает беспорядок, буйство, помешательство и т. д. Вероятно, речь идет о каком-то празднестве.

(ст. 7). Также наказывался наследник вассала, неспособный к военной службе (ст. 28) и тот, кто, имея свой умысел, скрывал в своих землях разбойников (ст. 48). Самым страшным наказанием, как уже упоминалось, по ст. 22 было физическое истребление клана изменника, сопряженное с конфискацией его владений и уничтожением родового имени. За невыход на военную службу воин лишался своих земель⁴² (ст. 25). Уклонявшиеся от участия в ремонте ворот и мостов призамковых поселений, укреплений замков теряли свои усадьбы и земли (ст. 32, 33). Усадьба вассалов, в которой вопреки запрету велась торговля, подлежала разрушению (ст. 81).

Таким образом, наиболее распространенным наказанием для вассалов, упоминаемым в «ЮС», была конфискация их владений и потеря служилого статуса (4 случая). В трёх случаях к этому наказанию добавлялось уничтожение родового имени. Смертная казнь применялась по отношению к вассалам в исключительных случаях, в то время как она нередко полагалась носителям более низкого социального статуса. Так, согласно ст. 1, разрешалось убийство холопов (*гэнин*), *касэмоно*, а также жителей городских селений и деревень, игравших в азартные игры⁴³. В соответствии со ст. 8, во время синтоистских празднеств или на ярмарках не преследовалось убийство холопа, *касэмоно* или *синан* за мошенничество или попытку силой заставить продать какой-либо товар по более низкой цене или за «иные бесчинства». *Касэмоно* и холопы, косившие траву или рубившие деревья в чужих угодьях, могли быть безнаказанно преданы смерти (ст. 9). Еще одно наказание – штраф – применялся по отношению к деревне (*готю*)⁴⁴, которая не отыскала убийцу, совершившего преступление на ее земле (ст. 16), либо если по вине ее жителей был утерян урожай (дополненная ст. 3).

Кроме того, даймё был верховным арбитром, разрешавшим споры между вассалами по поводу владения несвободными и зависимыми людьми (ст. 14, 15, 104, 1 дополнительная), землей (ст. 58, 84, 90).

Даймё претендовал на жесткий контроль над внешними контактами и связями вассалов, т. е. «внешней политикой». Без его дозволения они были не вправе заключать брачные союзы (ст. 23), брать в услужение зависимых людей (*касэмоно* и *гэнин*) из вражеских земель (ст. 24), им запрещалось отправлять послания во владения недругов Юки (ст. 79).

В «ЮС» как и в «Оути-си кабэгаки», в отличие от остальных уложений *Сэнгоку*, немало места отведено установлениям в сфере церемониала и

этикета, которые касаются исключительно элиты – т. е. даймё и его вассалов (ст. 61–65, 94, 2 дополнительная). Пространные указания, вводимые Юки Масакацу, определяют эталон поведения: недопустимость перебранок даже в кругу родственников (ст. 61); перечень блюд и допустимое количество сакэ на утренних и вечерних пирах (ст. 62); положенная одежда при выходе на службу (ст. 63); запрет «неприличного поведения» и «неподобающих» одеяний для служилых людей, подчиненных вассалам Юки (ст. 64); запрет злословия и поношения как дома Юки, так и чужих краев (ст. 65); осуждение мирских забав и развлечений в день поминовения Юки Масатомото, отца Юки Масакацу (ст. 94).

В целом даймё стремился к недопущению любых не одобренных им планов и действий своих вассалов, пресечению попыток договориться без его ведома о любом деле, осознавая, что это может вылиться в формирование устойчивых связей, неподконтрольных его власти. Ст. 72 можно считать квинтэссенцией политики Юки Масакацу по исключению военно-политической самостоятельности вассалов: «Даже если речь идет о деле благом для меня, втайне от меня замышлять его между собой не допускается. Как бы вы ни думали, что держите совет о деле полезном, [исполнение замысла] пресеку. Если даже единожды и одобрить то, что задумали по своему почину вассалы, впредь будут самоуправствовать, без донесения советуясь друг с другом и о хорошем деле и о дурном, подобно тому, как молодые [воины] там, где нет господина, вынашивают [неумелые] замыслы. Посему даже если не раз вассалы советовались между собой [не известив даймё], даже если то было дело благое, [замысел] будет отвергнут. Впредь да будет так. Знайте об этом. Несколько раз полагается тайно доложить. После этого позволяется готовить [исполнение плана]».

Таким образом, даймё предстает в «ЮС» как могущественный сюзерен, вмешивающийся во внутренние дела вассальных кланов, вольный изгонять вассалов со службы, лишать их владений, уничтожать или даровать родовые фамилии (ст. 46), истреблять кланы изменников. Он разрешает любые споры между своими «ленниками», регламентирует использование ими вооруженной силы и физического насилия, ограничивает их сношения с «чужими землями», вознаграждает за верную службу. Институты власти сёгуната Асикага (сёгун, ведомства *бакуфу*, *Канто кубо*, *Канто канрэй*) в «ЮС» не упомянуты⁴⁵. Даймё устанавливает законы и правит своим домом без оглядки на Муромати бакуфу.

В «ЮС» посредством запретов и регламентаций конструируется образ идеального вассала, преданного и исправно несущего военную службу, согласующего с даймё все свои действия, отказывающегося отвечать «ударом на удар», вступая в вооруженную стычку, и вынося-

⁴² В кодексе нигде не разъясняется, какой именно тип владений конфискуется князем – родовые вотчины, полученные от предков, или же только жалованные им земли. Вероятно, речь идет обо всех владениях вассала, включая родовые земли.

⁴³ В то же время княжеская власть обещала за аналогичное преступление карать и занимавших высокое социальное положение вассалов (содержание наказания не уточнялось).

⁴⁴ Термин *хякусё* (простолюдины-земледельцы) в «ЮС» отсутствует.

⁴⁵ Исключение – 1 дополнительная статья, где фигурируют *кубо-рё* (владения *Кога кубо*).

щего на его суд разногласия с сотоварищами, воздерживающегося от брани даже в кругу родичей, и от злословия в замке Юки, потчующего гостей по уставу даймё, ведущего себя пристойно и являющегося на службу в подобающей одежде.

Безусловно, регламентация не только правового, но и повседневного поведения вассалов в «ЮС» отражает характерные устремления *сэнгоку даймё*. Вместе с тем перипетии бурной политической истории данной эпохи, наполненной изменами и политическими интригами, заставляют усомниться в эффективности усилий Юки Масакацу и его наследников.

Образ могущественного государя в «ЮС» во многих аспектах не соответствует исторической действительности. Выше уже было сказано, что претензии Юки Масакацу на включение в свою юрисдикцию могущественных вассальных домов Ямакава, Мидзуноя и Тагая, выраженные, в частности, в ст. 74 «ЮС», были несоразмерны действительной мощи дома Юки. Их лояльность по отношению к Юки определялась политическими факторами, борьбой иноземных могущественных домов за господство в области Канто. Учитывая их полунезависимый статус, действие «ЮС» не могло распространяться на их уделы (даже если этого желал Юки Масакацу).

Кроме того, в «ЮС» как и во многих других сводах *сэнгоку даймё* не обнаруживается централизованной «государственной» системы правосудия. В ст. 29 содержится смутное свидетельство о наличии процедур улаживания споров между вассалами, автономных от княжеского суда. Даймё не монополизировал функции преследования и наказания правонарушителей. Допускался самосуд и убийство правонарушителей потерпевшей стороной (ст. 8,9,10,20) или свидетелями преступления (ст. 1). В этой связи невозможно согласиться с В. Н. Ереминым, отмечавшим, что в период Сэнгоку карать преступников могла только публичная власть, а применение наказаний частными лицами было незаконным⁴⁶.

В актовых материалах дома Юки обнаруживаются отдельные совпадения с содержанием законов «ЮС». Так, подтверждается исполнение вассалами ратной службы согласно нормам, установленным в ст.66⁴⁷. Вместе с тем, как и в случае со сводом «Дзинкайсю» (1526), совершенно непонятно, как использовалось это уложение в судебной практике и использовалось ли вообще. Не сохранилось ни одного документа, который позволил бы пролить свет на этот вопрос, нет ни одного упоминания об этом своде в синхронных источниках.

Нередко установление кодекса законов исследователи считают знаком укрепления власти того или иного даймё. Однако в случае «ЮС»

⁴⁶ Еремин В. Н. Указ. соч. С. 122. Российский японовед в подтверждение своей правоты ссыдался на мнение японского историка Исии Рёсукэ.

⁴⁷ Юки-си си... С. 616.

никаких выводов о влиянии уложения на систему власти дома Юки, подкреплённых фактическим материалом, сделать нельзя.

Итимура Такао пришел к неожиданному заключению о том, что создание «ЮС» послужило укреплению власти даймё Юки⁴⁸, что во многом расходится с его же собственным анализом политической истории дома Юки. Определенно можно сказать, что законотворчество Юки Масакацу не способствовало успешной завоевательной политике или территориальной экспансии. До конца периода *Сэнгоку* удел Юки не увеличивался, а временами даже уменьшался. Влияние даймё Юки не выходило за границы их княжества, а их авторитет не в полной мере признавали и могущественные вассалы (Ямакава, Мидзуноя, Тагая). Юки же приходилось лавировать между внешними силами, соперничавшими друг с другом за господство в Канто.

Юки, подобно соседним мелким властителям региона Канто, не имели амбиций, выходящих за пределы Канто. Тем более они не посягали на политико-символическое верховенство сёгунов Асикага или *Когакубо*. В этом смысле представляется несколько упрощенным взгляд А. А. Искендерова на *сэнгоку даймё*: «Каждый из новых даймё мечтал овладеть столицей и подчинить себе страну»⁴⁹. История Юки, да и многих других даймё второй половины XVI в., озабоченных прежде всего локальными проблемами и борьбой за выживание, опровергает эту точку зрения.

Политика князей из рода Юки не соответствует расхожему до недавнего времени представлению о *сэнгоку даймё* как прямых предшественниках великого объединителя Японии Тоётоми Хидэёси. Ни в законодательном кодексе, ни в других документах дома Юки нет свидетельства проведения *кэнти* и многих других реформ, аналогичных мероприятиям Хидэёси.

⁴⁸ Там же... С. 667–668.

⁴⁹ Искендеров А. А. Тоётоми Хидэёси. М., 1984. С. 36. К тому же даже могущественный правитель центральной Японии Миёси Нагаёси (1523–1564), изгнавший из столицы сёгуна и правивший самостоятельно на протяжении пяти лет (1553–1558), в конце концов, вынужден был с ним примириться. Представление обо всех даймё как о потенциальных претендентах на высшую власть в Японии искажает действительное многообразие политических структур эпохи «воюющих провинций».